

Политические процессы в меняющемся мире

Цивилизационное измерение мировой политики: проблемы и возможности

Александр Иванович ЯКОВЛЕВ

доктор исторических наук, профессор, факультет мировой политики, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, Учебный корпус 2. E-mail: aliv_yak@mail.ru

ЦИТИРОВАНИЕ: Яковлев А.И. (2018) Цивилизационное измерение мировой политики: проблемы и возможности // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 4. С. 6–29. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-6-29

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается цивилизационное измерение мировой политики. В условиях переходной эпохи, кризиса западной индустриальной модели развития, завершения демографического перехода и смены технологического уклада сохраняют свое значение глубинные основы обществ, которые относятся к той или иной цивилизации. Религиозный и культурный факторы стали оказывать более заметное влияние на международные политические и экономические процессы как в странах Востока, так и в западноевропейских государствах. Трансформация мировой системы в наши дни определяется параметрами глобализации и регионализации: с одной стороны, стремлением стран Запада во главе с США сохранить свои господствующие позиции в мире, с другой – возрастающим значением незападных стран (БРИКС, ШОС и др.). Важным аспектом продолжающегося противостояния являются цивилизационные отличия, в частности религиозное и секулярное мировоззрение. Данное обстоятельство не делает неизбежным «столкновение цивилизаций», но побуждает к их сотрудничеству и более адекватному учету культурно-цивилизационного фактора в международных отношениях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: цивилизация, культура, религия, мировая политика, Восток, Запад

Первые десятилетия XXI в. вызвали к жизни серьезные перемены в мировом хозяйстве и мировой политике, причем процессы глобализации заметно усложнили понимание многослойного развития различных тенденций. Внимание вызывают не только принципиально новые явления в сфере экономической жизни и технологий, но и явления, казалось бы, оставшиеся в далеком прошлом – религия, традиционные ценности, национализм, национальная память.

Это побуждает к использованию в ходе анализа наряду с привычными геополитическим, экономическим и национально-государственным и цивилизационное измерение мировой политики. Оно стало необходимо в связи с возвращением в политическую сферу символических целей, а также с усложнением средств, инструментов и методов, дополнивших традиционные дипломатию и внешнюю торговлю, в связи с необходимостью власти во всех государствах считаться с мировосприятием и менталитетом своего народа и иных народов.

Важность цивилизационного изменения мирового развития и международных отношений объясняется следующими обстоятельствами:

- цивилизация – это объективная данность: территория, население, язык, религия, история, культура. Цивилизационные основы общественного развития можно сравнить с почвой, по которой мы ходим и не замечаем ее, а она есть и может вдруг вздрогнуть и перевернуться;
- это будоражащая актуальность, подчас прикрытая политическими лозунгами. Цивилизационный фактор не является ведущим в мировом развитии, но он составляет основу этого развития. Именно цивилизационные основы европейского общества, наряду с определенными историческими обстоятельствами, способствовали превращению Запада в авангардную группу мирового развития и сохранению этой роли на протяжении пяти столетий, до конца XX в. Точно так же в определенной мере цивилизационные основы исламского и китайского обществ повлияли на ход их замедленного социально-экономического развития до середины XX в., а ныне стали предпосылками их ускоренного роста и возрастания значимости в мировой политике.

Современные события на Ближнем Востоке вызывают у многих воспоминания о мрачном прогнозе С. Хантингтона о «столкновении цивилизаций». Кажущееся непримиримым противостояние восточного «мира ислама» и западного «мира христианства» порождает крайние формы насилия. Оснований для пессимизма добавляют и социальные процессы во многих странах Западной Европы, где ощути-

мо социально-культурное и (или) этно-конфессиональное противостояние большинства коренного населения и меньшинства иммигрантов из стран Азии и Африки.

Между тем возник и вполне оптимистичный взгляд на проблему взаимоотношений цивилизаций. Профессор К. Мамубани из Сингапура и профессор Л. Саммерс из США исполнены «глобального оптимизма» и утверждают, что в наши дни идет процесс «слияния цивилизаций». Так называется их статья, опубликованная в журнале *Foreign Affairs* летом 2016 г. [Мамубани, Саммерс 2016, с. 134–144].

По сути дела, на рубеже XX–XXI вв. в рамках цивилизационного подхода оформились две точки зрения на будущее мирового сообщества: «великое слияние» Запада и Востока в единый мир или формирование нового качества мира без «слияния» составляющих его цивилизаций. В сферах международных отношений и мирового хозяйства это проявляется в развитии взаимосвязанных тенденций к глобализации и к регионализации. И в том и в другом случае процессы развития отразятся на стабильности мировой системы и наверняка вызовут новые конфликты и столкновения в мировой и региональных системах международных отношений.

Цивилизационное измерение

Стоит вспомнить, что в давние времена, когда религия составляла стержень общественного развития и в обществе господствовал теоцентристский подход к жизни, религиозные цели и мотивы присутствовали и подчас определяли внешнеполитическую деятельность многих государств мира (крестовые походы, Реформация, Тридцатилетняя война). С наступлени-

ем Нового времени секуляризованный Запад, обретший положение мирового лидера, сменивший принцип теоцентризма на принцип антропоцентризма и избравший развитие по пути современного, индустриального, буржуазного общества, в международной сфере заменил символические (религиозные и идейные) цели на реальные прагматические. Едва ли не последней попыткой построения международных отношений на основе духовных ценностей был Священный Союз стран Европы, созданный в 1815 г. по инициативе императора Александра I.

Цивилизационный подход к анализу процессов мирового развития, в том числе международных отношений, стал востребованным с того момента, когда мировое развитие усложнилось и имевшийся ранее инструментарий, полезный при исследовании доиндустриального и индустриального общества на Западе, оказался малополезным прежде всего для анализа восточного общества, переживающего затянувшийся период транзита полумодернизированного общества из эпохи модерна в неопределенность.

Привычные ранее политологический и экономоцентристский подходы не давали адекватного объяснения причин таких разных явлений, как исламская революция 1979 г. в Иране, резкий взрыв антиамериканских настроений во многих странах Востока, развивавшихся по модели догоняющей модернизации, или неожиданный неуклонный подъем Китая как потенциального мирового лидера, сопровождающийся идеей китайского превосходства, наконец глобальный финансовый кризис, формирование группировки БРИКС и усиление нового центра ми-

ровой системы в Тихоокеанском регионе или возникновение такого негосударственного актора международных отношений (МО), как ИГ¹, структуры, основанной на явно архаичных принципах. Привычный рациональный и линейный подход с отработанной логикой причинно-следственных связей не срабатывал². События новой эпохи (пост-модерна, пост-современности) потекли в XXI в. по какому-то иному руслу, вне привычного для Запада в течение пяти столетий рационального целеполагания.

Ранее развитие шло для Запада успешно и необратимо. Очевидно, что «гуманистические по своей сути идеи демократии, прав и свобод человека дали мощный толчок для социального, экономического, технологического, культурного прогресса сначала довольно узкого круга западных стран, а вслед за ними и остального мира» [Гаджиев 2017, с. 81]. К началу XX в. завершился период имперского мироустройства, совершенного западными державами, в большей или меньшей степени адаптировавшими территории незападного мира, исходя из своих экономических целей и своей системы ценностей буржуазного общества.

Н. Фергюсон объясняет 500-летнее «восхождение Запада» уникальным совпадением различных объективных и субъективных обстоятельств, среди которых наличие конкуренции, развитие науки, утверждение права частной собственности, возникновение трудовой этики и формирование общества потребления. И. Валлерстайн дал развернутое описание процесса формирования «ядра» глобального мира – экономики капитализма [Валлерстайн 2015–2016, т. 1–3]. Дж. Арриги указы-

1 Данная организация запрещена в России.

2 Свидетельством этому стал отказ Ф. Фукуямы, автора манифеста западного либерализма «Конец истории?» (1989), от утверждения о неотвратимости победы универсальной модели либеральной демократии.

вал на утверждение гегемонии Запада, который установил свое правление миром и трансформировал мир, исходя из своих представлений [Арриги 2006, гл. 1]. Фактом остается возвышение не просто малой части, окраины Евразии, но именно пространства христианской цивилизации, что не сразу было осознано за более актуальными политическими и экономическими процессами.

Запад лепил для себя мир-систему на Востоке, свое подобие, но там во второй половине XX в. процессы индустриализма и национализма вышли из-под его контроля, некогда покорные объекты превратились в модернизированные субъекты исторического процесса. Стало очевидным стремление незападных цивилизаций к историческому реваншу при принятии, в то же время, западной модели развития в ее материальных аспектах, но отвержении ее системы ценностей, культуры, политического устройства и секуляризма, замене их собственными символическими целями, традиционными ценностями, принципами и нормами. Мировой порядок сдвинулся со своих казавшихся недвижимыми основ.

Поэтому оказывается важным увидеть «цивилизационный вызов» за мельтешением событий политической и экономической жизни, опознать в незападных цивилизациях скрытый потенциал социально-экономического и политического развития, а также определить имеющиеся там возможности для сохранения динамичного равновесия асимметрично организованных элементов цивилизации³.

Цивилизация – это стабильная этно-демографическая и социально-культурная общность, населяющая определенную территорию и обладающая

в течение многих веков явно выраженными традиционными чертами: комплекс взаимосвязанных посредством религии обычаев, норм поведения, взглядов и идеалов, социальных и культурных ценностей, основ мировосприятия и национальной психологии.

Изначально цивилизация понималась как определенная форма материальной и духовной культуры европейских христианских народов, качественно превосходящая состояние варварства, в котором пребывали все иные народы. В XIX в. теорию локальных цивилизаций (культурно-исторических типов) разрабатывают Г. Риккерт и Н.Я. Данилевский, в XX в. – А. Тойнби, Ф. Бродель и др. Принято выделять в мировой системе региональные и межрегиональные цивилизации: европейскую христианскую (западноевропейскую, атлантическую), православную христианскую (восточноевропейскую), исламскую (арабо-мусульманскую), китайскую, индийскую (индо-буддистскую), латиноамериканскую, африканскую, а также цивилизации-нации – японскую и иудейскую. В основе такой классификации лежат определенная мировая религия (религиозная система), историческое наследие, наличие «цивилизационного ядра» со своим идеалом, системой ценностей и нормами поведения, и «цивилизационного пространства», которое может не совпадать с национально-государственными границами. Цивилизационная характеристика не равнозначна точному и рациональному научному знанию, но объективно выполняет функции маркера самоидентификации для государства, общества и человека. Цивилизация – категория историческая, это явление возникает, развивается и когда-то исчезает.

3 Подробный обзор теорий цивилизации см.: Алексеев В.В., Крадин Н.Н., Коротаев А.В., Гринин Л.Е. (ред.) (2014) Теория и методология истории. Гл. 5. Волгоград: Учитель.

Но как бы то ни было, к началу XX в. создание мировой системы из мировых империй (по принципам «индустриализма и национализма, более чем по принципам индустриализма и демократии» – А. Тойнби) привело к универсализации не только западной модели развития (в ее формационном содержании по принципам индустриализма и демократизма), но и западной цивилизации, преобладания ее целей, уровня и качества жизни, идей, идеалов, ценностей, норм быта и поведения в остальном мире. Не только формационное, но и цивилизационное состояние западного общества обрело нормативный характер для остального мира. Этот «цивилизационный вызов» Запада в форме крестовых походов, экспансии западных монополий и массовой культуры или прямой военной агрессии вызвал естественную реакцию сопротивления.

Показательны рассуждения арабского философа Х. Ханафи: «Европоцентризм в социальной науке... делает Европу вершиной прогресса в долгой истории человечества. Вся история, начиная с древнего Китая, Индии, Месопотамии, Египта, рассматривается как досовременная фаза, и только Европа Нового времени рассматривается как следующая, вторая фаза... Эта дихотомия, базирующаяся главным образом на цвете расы, белой и не-белой, стала потом более драматичной дуальностью, разделившей колонизатора и колонизируемого, центр и периферию». Ф. Джабри заключает: «Сегодняшний араб, мусульманин или немусульманин, с основанием верит не только в то, что арабо-мусульманская цивилизация способна выжить, но еще и в то, что она не нуждается в отказе от своих психокритериологических оснований, чтобы

возродиться и вновь стать творческой» (цит. по: [Фролова 2016, с. 299]).

Мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. стал одним из проявлений более масштабного процесса смены эпох, поскольку западная модель индустриального буржуазного общества исчерпала свой потенциал. Новая «Великая трансформация», по выражению К.С. Гаджиева, характеризуется «тектоническими сдвигами в бытийных основах жизни во всепланетарном масштабе», причем эти сдвиги «глубоко затронули экономику, политическую, социокультурную и духовную сферы, образы жизни. Более того, ставятся под вопрос основополагающие ценности, институты, правила взаимоотношений людей, служившие основой жизнедеятельности и существования человеческих сообществ со времен возникновения экзогамной семьи» [Гаджиев 2017, с. 82]⁴. Такого рода экзистенциальный сдвиг мировой системы и выводит вперед менее значимое ранее цивилизационное измерение развития не только общества, но и отношений государств.

Процессы в сфере международных отношений определяются соотношением военно-политических и экономических потенциалов субъектов МО и системами договорных двусторонних и многосторонних отношений между ними. Казалось бы, тут нет места эфемерным понятиям, не поддающимся измерению в тоннах и долларах.

Но случилось неожиданное. К концу XX в. «индустриальная мощь достигла таких пропорций, что взорвала несбалансированную структуру все более многочисленных и слабых национальных государств... Прежний мир, скрепленный обручем Вестфальской системы, – мир более-менее однород-

4 См. также: Яковлев А.И. (2015) Страны Востока в эпоху глобализации: синтез традиционного и современного. М.: Институт стран Востока. Глава 4. Кризис западной модели развития.

ных суверенных национальных государств дрогнул и начал расплываться» [Неклесса 2016, с. 170]. И наряду с процессом транснациональной экономической интеграции в мировом хозяйстве, в мировой политике раскручивается процесс этно-конфессиональной, религиозной, цивилизационной самоидентификации государств, обществ и сообществ государств, что не только ставит под сомнение нормативность западной модели, но и ведет к возникновению иного мирового порядка.

Да, цивилизационное начало не абсолютно, однако оно является системообразующим во всех сферах жизни – как на уровне всего общественно-политического организма, так и на уровне отдельной личности. Оно может усилить или ослабить внутренний потенциал общества, возможности и перспективы модернизации и геополитические позиции национального государства в системе международных отношений.

Обыкновенно на виду оказываются отдельные элементы цивилизационных основ общества – религия, культура, обычаи, но ведь все они – взаимосвязанные элементы очень прочной и сложной социальной системы. В ее основе – география и демография, центр которых – человек, существующий и действующий в природе, культуре, политике и хозяйстве, исходя из присущих ему мировосприятия и мировоззрения. И если мировоззрение определяется реальной средой хозяйства и социальных институтов, в которой воспитывается человек, то мировосприятие – культурной средой семьи и общины, т.е. цивилизацией⁵.

Академик А. Дынкин, рассуждая о поисках «новой нормальности» в ми-

ре, заключил: «Можно говорить о том, что христианская цивилизация, которая доминировала на протяжении последних 500 лет, сегодня уже не универсальна, из исторической тени вышли другие цивилизации – Китай, Индия, исламский мир. Там совсем иная культура, иная история, иные принципы социального сцепления между людьми: кланы, все еще сильные родоплеменные связи, территориальные землячества имеют в их глазах большую ценность, чем стандарты европейского социума» [Дынкин 2016, с. 343].

Все это, по нашему мнению, придает новую значимость цивилизационным основам мирового развития, побуждая ученых исследовать их, а политиков – принимать во внимание в своей деятельности.

Религия и религиозный фактор

Наиболее очевидное и яркое проявление «цивилизационного вызова» – это активизация религиозной жизни и религиозного фактора в общественной жизни многих стран и в мировой политике. Говоря словами Э. Хобсбаума, «произошло триумфальное возвращение религиозного дискурса в политику», однако далее он оговаривает: «неясно, имел ли место общий подъем веры и религиозных чувств» [Хобсбаум 2017, с. 250]. Иначе говоря, мы стали свидетелями не буквального возвращения традиции, а ее модификации, что, впрочем, не меняет сущности явления.

Цивилизацию нельзя свести к религии, но религия определяет «лицо» всякой цивилизации, стран, сообществ людей и отдельных личностей, к ней принадлежащих, подчас подсо-

5 Мировосприятие – мироощущение, восприятие человеком окружающего мира. Мировоззрение – совокупность принципов, взглядов и убеждений, определяющих отношение человека к действительности.

знательно или вопреки рациональным соображениям и экономической выгоде. Ш. Эйзенштадт в качестве одной из отличительных черт великих цивилизаций называл «постоянное развитие внутри них альтернативных, соперничающих представлений об отношениях между трансцендентным и мирским порядками», «стремление к реализации трансцендентных представлений в мирских порядках» [Эйзенштадт 1999, с. 23, 25]. По точному заключению Б.С. Ерасова, «без “прорывов” к трансцендентному началу, которые и составляют изначальный собственно религиозный “субстрат”, цивилизация лишается важнейшего импульса к становлению и формированию своей сущности... Впрочем, “религиосозидающая” роль цивилизации может найти свое проявление в том, что, не найдя в одной религии всех модусов жизнеустройства, отвечающих ее потребностям, цивилизация “импортирует” инородную религию – или ее компоненты (христианство на Западе и буддизм на Востоке), соединяет, казалось бы, альтернативные варианты спасения и жизнеустройства в едином комплексе, как это имело место в Китае» [Ерасов 1996, с. 7].

В новейшей истории образование Европейского Союза с лидерами Германией и Францией спустя всего несколько десятилетий после кровопролитной мировой войны с жестоким противоборством этих стран можно понять с учетом общего цивилизационного базиса – европейской христианской цивилизации (хотя это стало скорее торжеством культурно-исторического наследия над конфессиональным). Вместе с тем завершение «замороженного» ближневосточного конфликта сдерживается во многом вследствие разных цивилизационно-культурных основ соседних арабских стран и Израиля: арабо-мусульманская культура – с одной стороны, иудейско-европей-

ская – с другой. Оптимальным решением для развития региона стало бы сложение финансового и технологического потенциала Израиля с ресурсным и демографическим потенциалом арабского мира, что могло бы изменить нынешний преимущественно «сырьевой» образ региона и придать всем экономическим сторонам существенное ускорение. Но обе стороны в равной мере не готовы к такому простому и рациональному, на первый взгляд, решению проблемы.

Религия как закваска социальной и духовной жизни общества проявляется в текущей жизни. Она слаба в секуляризованном (часто агрессивно секуляризованном) западноевропейском и отчасти американском обществе. Она сильна во всяком восточном обществе, еще не успевшем в процессе ускоренной модернизации разорвать связь со своей традицией, в том числе – и во фрагментах этого общества, пересаженных на западную почву (в форме миграции).

Вместе с тем становится все более ясным, что протекающая на наших глазах религиозная активизация населения в разных странах мира лишь внешне напоминает «возвращение к истокам», а по сути своей является порождением именно эпохи Модерна. В ходе кризиса «проекта Модерна» («проекта Просвещения») выявились кризисные явления в состоянии религии и религиозных институтов в западных и отчасти в восточных странах, а также возникли новые феномены религиозного фундаментализма, сектантства, секуляризации и десекуляризации, религиозного экстремизма.

И это понятно. В XX в. сохранялось главенство формационных принципов развития; экономика и техника, развивавшиеся бурно и принесшие массу перемен, заслонили человека. Но именно человек является объектом и субъектом исторического процесса, со всеми присущими отдельной личности и группам

людей идеями, убеждениями, привычками, чувствами, переживаниями, даже странностями и – глубинной памятью. Религиозное начало, один из корневых (цивилизационных) элементов общественной системы, оказалось не менее, а более устойчивым, чем идеологии либерализма, консерватизма, панарабизма, социализма, национализма.

Религия как трансцендентная связь между человеком и Богом – социальный и политический феномен, существенно определяющий сознание и поведение людей разных стран и обществ в условиях противоречивого процесса глобализации. Религия оказалась востребованной в качестве принципа, способствующего организации отношений между обществами и индивидуумами, между различными формами власти и авторитета в мире и достижению приемлемого консенсуса по системе политических ценностей.

При этом, в отличие от секулярных стран Запада, в странах Востока государство по-прежнему сохраняет роль гаранта существующих религий, а подчас использует их в политических целях. Различные религиозные институты и структуры на национальном и межнациональном уровнях ощутимо влияют на поведение своих последователей, формируя их устойчивые представления и мотивации действий.

По оценкам специалистов, в современных условиях две мировые религии – христианство и ислам не только укрепляют свои позиции в мире, но имеют перспективы для расширения влияния. Это вызвано такими важными чертами их деятельности, как отсутствие этноцентризма (открытость для всех народов), социальная гибкость (способность адаптироваться к изменяющимся социальным условиям) и миссионерская направленность (активная деятельность по распространению своих учений).

Впрочем, этот вывод мало относится к странам Запада, где принцип секуляризма давно стал определяющим в общественной жизни. Секуляризация – смена теоцентристского подхода к жизни на антропоцентристский, вытеснение религии из сфер общественной и государственной жизни и господство принципов рационализма, прагматизма, выгоды и эгоизма – один из системообразующих элементов модели современного капиталистического общества.

Более того, в начале XXI в. Запад провозгласил отказ от своих цивилизационных корней. В 2000 г. журнал «Экономист» опубликовал некролог Богу и объявил, что «Всевышний на днях ушел в историю» [Бьюкенен 2016, с. 112]. В 2005 г. при обсуждении проекта конституции ЕС был отвергнут тезис о «христианских корнях европейской цивилизации». В 2009 г. Б. Обама провозгласил: «мы не считаем себя христианской нацией», «мы – нация христиан и мусульман, иудеев, индуистов и неверующих» (цит. по: [Бьюкенен 2016, с. 76]). Между тем, пока большинство населения США составляют именно «белые христиане», и победа Д. Трампа на президентских выборах 2016 г. подтвердила это. Как бы то ни было, секуляризм давно сделался «религией» большей части носителей западноевропейской культуры. Статистика свидетельствует об устойчивом росте доли атеистов в составе населения мира (точнее, его западной части) с 0,0% в 1910 г. до 2,0% в 2010 г. [Синелина 2013, с. 18].

Так, во Франции с принятием 9 декабря 1905 г. закона об отделении Церкви от государства религия превратилась в частное дело и субъект частного права. Французский режим «нейтральной светскости» получил новый ориентир после того, как 15 марта 2004 г. был принят закон, запрещающий «носить в общественных школах и лицеях сим-

волю и одежды, которые ясно указывают на религиозную принадлежность учеников» [Робберс 2009, с. 599]. Законодательный запрет на ношение нательного креста углубил разрыв с традицией некогда христианского народа. Церкви Европы пусты. По словам папы Бенедикта XVI, Европа превратилась в «пустыню безбожия». В целом в западном мире христианство сохраняется, но в США оно все более превращается в религию потребительства и духовного комфорта, на место креста пришел доллар. В США, по выражению Н. Фергюсона, «Бога-Отца, и Сына, и Святого Духа заменили Бог-Аналитик, Бог – Умиравший богатый дядюшка и Бог – Личный тренер» [Фергюсон 2014, с. 367–368].

В исламском обществе, напротив, эгоизм и гедонизм не стали духовными ценностями. Ислам на протяжении своей истории никогда не переживал такой трансформации своих доктрины и принципов, отвержения религии и краха религиозности, как это случилось на Западе в эпоху Просвещения. Духовная сила ислама по-прежнему ощутима в социальной и общественной жизни стран мусульманского мира.

Специфическим примером этого стало появление фундаменталистских по идеям и экстремистских по методам организаций. Возникновение и деятельность ИГ формально основаны именно на цивилизационных, религиозных идеях и ценностях, но утопически абсолютизированных вне контекста современности.

Но секуляризм присутствует в духовной жизни многих восточных стран, войдя туда как элемент модернизации по западной модели. В частности, в Индии он понимается как «морально-этическая позиция, направленная не против религии, но против религиозной гомогенизации и институционали-

ного (религиозного) доминирования» [Бхаргава 2014, с. 250]. В религиозных системах синтоизма и буддизма нет места богу. Данное обстоятельство отчасти определило большую степень успеха «догоняющей модернизации» по западной модели в Японии и Индии, нежели в пространстве мусульманской цивилизации. Тем не менее, присутствие секулярных начал отметили арабские философы в общественной жизни и арабо-мусульманского мира, полагая, что светское начало может быть основано не на принципе атеизма и не является антиподом веры (см.: [Фролова 2016, с. 241–242]).

Вместе с тем в таком полутрадиционном обществе, как индийское, возможен возврат к старому. Так, победа на парламентских выборах в 2014 г. Индийской народной партии во главе с Н. Моди, лидером «шафрановых» (индуистов), вызвала массовый энтузиазм у индийских националистов. Не исключено усиление противостояния индуистов и мусульман, что означает отход от принципов секуляризма, заложенных при создании современной Индии.

В Китае, Южной Корее и Японии среди городской молодежи в начале XXI в. стало модным увлечение христианством, которое воспринимается как неотъемлемая часть западной модели развития. В Китае насчитывается около 20 млн протестантов и 12 млн католиков. В Республике Корея около 20% населения – протестанты, около 7% – католики [Ерусалимский 2010, с. 159]. Однако перспективы распространения христианства в пространстве китайской (дальневосточной) цивилизации неопределены. Еще в начале XX в. архимандрит Сергей (Страгородский), будущий патриарх Московский и всея Руси, в ходе своей миссионерской деятельности в Японии сделал вывод: «масса народная совершенно чужда христианству»,

потому что для японца неприемлемо, что «Бог выше японского императора» [Сергий 2013, с. 235].

Ослабление или усиление европейского принципа секуляризма наряду с распространением христианства в странах Востока есть фрагментарные проявления процесса вестернизации культуры в отдельных (верхушечных, молодежных) сегментах восточного общества. Но и то и другое вовсе не означает отказа от верности всего общества традиционной цивилизационной идентичности.

Для стран Запада, отмечает П. Бьюкенен, «корреляция между увядающей верой и умирающей нацией видится абсолютной» [Бьюкенен 2016, с. 125]. Тем не менее, и в странах Запада возможен поворот вспять от «религии секуляризма» и «культы человеческой мощи» (А. Тойнби). Взрыв национализма в Германии и Франции осенью 2015 г. или победа правых партий в Австрии на выборах в 2018 г., как ответ на «массовое вторжение» представителей иной цивилизации (иных религии и культуры), может привести к отступлению от атмосферы либеральной толерантности (светскости) и обращению к традиционным ценностям христианской культуры, в том числе к религии, но вероятнее – в форме религиозности, возможно – языческого сектантства.

Власти западноевропейских стран вполне могут использовать содействие религиозных институтов – католических и протестантских – для сохранения социальной стабильности в обществе и уравнивания исламских религиозных структур. Во всех странах ЕС принцип свободы совести закреплен в конституционных актах и различных законах. Конституционно защищены не только свобода вероисповедания, но и мировоззрение, не имеющее отношения к религии. В законах

об образовании в большинстве стран предусмотрена возможность проводить религиозные занятия в школе и деятельность религиозных учебных заведений, равно как и возможность отказаться от изучения религии. Однако все это пока никак не обуславливает возвращения христианства в центр общественной жизни и возвращения религиозных институтов как регуляторов общественной жизни. Еще в конце XX в. был отмечен необратимый процесс: снижается посещение богослужений в христианских церквях в большинстве западноевропейских стран (см.: [Робберс 2009]). Между тем тысячи мечетей, возникших на рубеже XX–XXI вв. во всех странах Западной Европы, по пятницам наполняются молящимися мигрантами и выходцами из мусульманских стран, получившими гражданство ЕС.

Ситуация в балканских странах дает немало примеров «религиозной мозаики»: сосуществования наряду с атеистами религиозных общин и институтов – христианских, исламских, иудейских – в свою очередь, разделенных по разным течениям. Албания: мусульмане – 70%, христиане – 30% (православные – 20, католики – 10%); Босния и Герцеговина: мусульмане (сунниты) – 40%, христиане – 60% (православные – 31, католики – 15, др. конфессии – 14); Македония: христиане – 65% (православные – 64,7, др. конфессии – 0,3), мусульмане – 33,3%; Сербия: христиане – 91,6% (православные – 85,0, католики – 5,5, др. конфессии – 1,1), мусульмане – 3,2%; Словения: христиане – 61% (католики – 57,8, православные – 2,3, др. конфессии – 0,9), мусульмане – 2,4%; Хорватия: христиане – 92,6% (католики – 87,8, православные – 4,4, др. конфессии – 0,4), мусульмане – 1,3% [Ерусалимский 2010, с. 158–159].

В перспективе мировое развитие будет определяться уже известными

ми параметрами глобализации и регионализации. Эти два взаимообусловленных процесса (универсализации по западной модели и сохранения основ традиции в отдельных регионах) по-прежнему будут усиливать противоположные тенденции к секуляризации и десекуляризации в общественной жизни стран мира.

С одной стороны, необратимые процессы повышения уровня жизни в большинстве стран мира, унификации качества жизни и распространения массовой (глобальной) культуры размывают верность цивилизационным основам и религии. В 1999 г. Ф. Фукуяма предрекал «Великий разрыв» с традицией вслед за западным обществом и переживающим модернизацию восточным обществам: разрыв с прежним укладом жизни и со всем социальным строем ради возрастания «свободы и равенства – двух вещей, которые люди в современной демократии ценят больше всего» [Фукуяма 2003, с. 12].

С другой стороны, всплеск нестабильности и военно-политических конфликтов, возросшие масштабы миграции и углубление имущественного неравенства вызывают беспокойство и тревогу, порождают тягу к поиску надежных основ существования, в качестве которых видятся культурно-цивилизационная основа, религия и традиция. «Именно религиозный импульс обеспечивает сплоченность культуры и цивилизации, – писал К. Доусон. – Великие религии суть основания, на которых зиждутся великие цивилизации. Общество, которое потеряло свою религию, рано или поздно становится обществом, утратившим культуру» (цит. по: [Бьюкенен 2016, с. 105]).

Цивилизационное начало в мировой политике

В мировой политике цивилизационное начало выявилось благодаря смене системы международных отношений (МО).

Мировая политическая система и порядок в мировой политике были установлены и до настоящего времени определяются правилами Запада. Западная система ценностей, в основании которой лежат идеи античности и ценности христианства, сформировала нормы и правила. Развитием и утверждением нового мирового порядка стала Вестфальская система с ее принципом главенства нациигосударства, распространившая свои нормы как единственно верные. Однако существенно дополнившая ее система ценностей эпохи Модерна отторгла или умаляла духовное начало западной цивилизации, утверждая для личности главенство принципов индивидуализма и комфорта. Версальско-Вашингтонский порядок международных отношений был вскоре сменен Ялтинско-Потсдамским. В. Вильсон провозгласил в мировой политике отказ от «национального эгоизма», что, в конечном счете, привело в середине XX в. к созданию ООН как наднационального и сверхцивилизационного форума. Между тем лидеры освободившихся стран Востока тогда же заявили о своей особенной общности, приобретшей форму Движения неприсоединения, что со временем закрепило не только политическое и экономическое, но и цивилизационное (культурное и религиозное) противостояние «неЗапада» с Западом.

Снятие такого рода конфликтов видится возможным путем насилия или компромисса. С началом новой эпохи после 1991 г. первым путем следовали США и их союзники, жесткой и «мяг-

кой» силой утверждая систему однополярного мира, что подразумевает, в конечном счете, признание господства Запада и полный или частичный отказ их противников от своей цивилизационной идентификации. Второго пути придерживаются РФ и другие страны БРИКС, выдвигая принцип согласования интересов при уважении к ценностям каждого общества. Своеобразной либеральной модификацией такого варианта стала концепция «плюралистического мира», предложение о снятии ценностного подхода в политике и согласовании интересов [Дембински, Шпангер 2017, с. 43–56]. Можно вспомнить также гуманистические идеи Дж. Ролза об учете принципа справедливости в международном праве и желательности международной справедливости [Ролз 2010, с. 331–335].

Россия после 2007 г. также воспринимается в мире как сторонник сохранения традиционных, цивилизационных основ в общественной жизни и их учета в мировой политике, оставаясь в то же время самобытной частью пространства христианской, европейской цивилизации.

Заметным примером обращения к цивилизационным основам стало усиление поворота во внешней политике Турции после избрания Р. Эрдогана в 2014 г. президентом страны. Мурат Есилташ в том же году в статье «Поиск Турцией нового международного порядка: Цивилизационный дискурс и политика возрождения» теоретически обосновал необходимость смены в системе международных отношений политического объединения национальных государств по принципам Вестфальского международного порядка на новое, супернациональное или цивилизационное объединение, закрепив новый критерий «цивилизационной идентичности». В реальной политике Турции в последующие годы на-

званный подход был реализован в процессе развития многосоставного конфликта в Сирии. Перенос акцента с религиозной идентичности на цивилизационную был очевидно важен для Турции, стремившейся к роли регионального арбитра, так как для арабских стран и народов на первом месте стояло именно религиозное начало, заметно их разделяющее.

Однако более заметным в международной жизни с конца XX в. стало влияние не столько собственно религии, определяющей внутренние побуждения действий людей, сколько религиозного фактора: использование религиозных идей и религиозных побуждений людей в политических целях определенными политическими силами. Отражая новую реальность, политизацию религии, в литературе, например, возникло понятие *исламизм*. В процессе распада Судана на два государства помимо очевидных экономических и политических оснований также присутствовало религиозное начало.

В начале XXI в. сходные процессы протекали и на Западе: возрастание влияния религиозных консерваторов в США на внутреннюю и внешнюю политику администрации Дж. Буша-мл. было связано не только с притязаниями США на мировое лидерство в однополярном мире, но основывалось на глубоких традициях ветхозаветного мессианства, укорененных в религиозном сообществе США. Показательно, что в январе 2018 г. в США принята новая Стратегия национальной обороны, в которой указывалось, что следует быть готовыми к «долгосрочному стратегическому соперничеству с Россией и Китаем». А президент Д. Трамп 30 января 2018 г. в своем послании к конгрессу США уточнил: Китай и Россия «бросают вызов нашим интересам, нашей экономике и *нашим ценностям*» (курсив мой. – А.Я.). По-

литическое и экономическое соперничество держав имеет давнюю историю в мировой политике, но привнесение туда ценностных начал в наши дни – явление редкое.

Можно привести и иные примеры: Кашмир, Северная Ирландия, Сирия, Ирак, Индия и Пакистан, Сербия и Косово. При всей сложности и противоречивости конфликтов в бывшей Югославии, религиозная идентификация, усилившаяся в период государственной смуты, играла там важную роль. В смуте, бушующей на Украине, помимо политических расчетов определенное значение имеют цивилизационные ценности, общие в своих основах, но различающиеся в религиозно-культурном отношении. Таким образом, возросшая значимость религии как элемента национальной идентичности влечет за собой рост числа религиозных конфликтов в разных регионах мира.

Но религиозный фактор может играть положительную роль в международных отношениях, прежде всего в деле урегулирования конфликтов и процессе миротворчества. Представители всех мировых религий выступили с осуждением насилия и всех видов терроризма. Папа Римский Франциск внес определенный вклад в мирный процесс на Ближнем Востоке, а его выступление в конгрессе США и на Генеральной ассамблее ООН в сентябре 2015 г. стало подтверждением позитивной активности Римского престола в мировой политике. Отношения между Русской Православной Церковью и Грузинской Церковью помогли в 2008 г. смягчить конфликт в межгосударственных отношениях России и Грузии. Правда, по-

стоянная экспансия католицизма, например в России и Китае, порождает настороженное отношение к Римско-Католической Церкви со стороны не только церквей, но и государств.

Встреча папы Франциска и патриарха Кирилла в январе 2016 г. в Гаване дала еще один пример непосредственного влияния религиозных деятелей на международные отношения. Их совместный призыв к прекращению кровопролития на Ближнем Востоке и осуждение гонений на христиан на Ближнем Востоке показали значимость голоса Христианской Церкви.

Исламский фактор в мировой политике – явление общепризнанное. Стоит заметить, однако, что за этим определением стоит явление арабо-мусульманской культуры, великой цивилизации, высшим достижением которой в политической жизни в Средние века стал Арабский халифат, раскинувшийся в трех частях света⁶.

При этом различаются в качестве самостоятельных субъектов международных отношений мусульманские государства (МГ), транснациональные исламские структуры (ТИС) и детерриториализованный ислам [Наумкин 2006, с. 41–54] или «цивилизационное пространство» ислама в мире. При очевидном цивилизационном единстве названных субъектов, они различаются в своем понимании ислама и его роли в современном мире, в международных отношениях.

Государства в своей деятельности и внешней политике руководствуются национальными интересами и стремятся укрепить свое положение как национально-государственного субъекта в мировой системе. ТИС возник-

6 Закрепившееся в западноевропейской историографии наименование Средних веков «темными веками» не связано ли с маргинальным положением слабых государств Западной Европы и господством в то время цивилизационно иных Византийской империи и Арабского халифата?

ли на основе идей ислама, превращенных в идеологию исламизма, это уже не чисто религиозное, а скорее политическое явление. Явление это возникло в «цивилизационном пространстве» ислама в силу исторического совпадения нескольких обстоятельств: осознания слабости и отсталости арабского мира от уровня Запада, отвержения западной модели современного развития как развития секулярного общества, а также отказа от нового типа социальности – замены большой патриархальной семьи атомизированной общностью отдельных индивидов. Поэтому, кстати, исламские традиционалисты и фундаменталисты категорически отвергают западную одежду для женщин. «Женская одежда – мощный индикатор отношения общества к современности», – справедливо заметил Ф. Закария [Закария 2009, с. 96].

Исламский мир крайне разнороден, внутри его пространства идет постоянная и ожесточенная борьба различных групп и течений, религиозных лидеров, теологов и идеологов. Тем не менее в случае вызова со стороны европейской цивилизации пространство детерриториализованного ислама и ТИС сплотятся для единого ответа. Пример этого показала реакция на карикатуры на пророка Мухаммеда в датской газете.

В ходе сирийского конфликта в 2014–2017 гг. стало явным использование радикальных ТИС некоторыми исламскими государствами в своих интересах, как это было видно в политике Катара, Саудовской Аравии, Ирана, Турции.

Вместе с тем потенциальные риски и угрозы исламизма можно локализовать и снять лишь совместными усилиями государственных и общественных структур внутри исламского мира. Одно из возможных средств для этого – признание глобальной роли ислама

в мире в форме включения исламской организации (например, ОИС) в систему международных органов наряду со структурами ООН. Более вероятный выбор Запада – неравноправный диалог двух цивилизаций с позиций силы.

Существующая ныне «мозаичность» религиозного пространства, с одной стороны, смягчает потенциал возникающих внутри конфликтов, но с другой – наиболее опасным видится использование религиозного фактора для конкуренции между религиозными системами.

В международных отношениях произошел отказ от Вестфальской системы уравнивающих друг друга субъектов международных отношений (государств и союзов государств), от Версальско-Вашингтонской и Ялтинско-Потсдамской систем баланса сил национальных государств и государственных объединений. Прежний баланс сил в условиях кризиса поколеблен, идет поиск нового равновесия в условиях притязания ведущих государств Запада на главенство. Наряду с государствами на мировую арену вышли негосударственные акторы от ТНК до Аль-Каиды.

Вместе с тем ныне «глобальный человек» (А.А. Зиновьев) организует не только с учетом рационально выстроенного баланса военно-политических сил и потенциалов, но и с учетом иррациональной иерархии (иногда – анархии) цивилизационных и религиозно-культурных составляющих, принимающих ту или иную политическую форму. Так, отечественные авторы прямо писали в декабре 2017 г. об актуальности и важности «проблемы противостояния глобалистов и современных националистов» в современном мире, которая реализуется в противостоянии тенденции «стирания национальных границ» и универсальности капитала иной тенденции – утверждения «идей

и ценностей национального самоопределения, национального экономического развития, национальных интересов» [Гурова, Скоробогатый 2017, с. 16, 17]. В незападном мире возникла и закрепились не государственная или цивилизационная, религиозная, культурная идентичность, а национально-цивилизационная (см. [Семененко 2017, с. 461–463]). Это обстоятельство отражается на таких качествах социума, как внешнеполитическая идентичность и геополитическое восприятие мира, формирующиеся у нации или этноконфессиональной общности (см. [Семененко 2017, гл. 30]).

В современную эпоху цивилизационная идентичность представляет собой более сложное явление, чем века назад. Концепт цивилизационной идентичности обрел в XX в. реальное значение для понимания природы многих международных политических и экономических конфликтов, а также факторов формирования и развития региональных политических и экономических союзов – ЕС, АСЕАН, ССАГПЗ.

И как не вспомнить теорию С. Хантингтона, наблюдая в XXI в. многосложные конфликты США и арабского мира, США и Китая, США и России, а в то же время – конфликты западной и арабо-исламской цивилизаций, западной и конфуцианской цивилизаций, западной и восточнославянской цивилизаций. Признанием этого обстоятельства мировым сообществом стало провозглашение ООН еще в 2001 г. Года диалога цивилизаций, в 2005 г. формирование по инициативе исламских государств «Альянса цивили-

лизаций», позднее – возникновение *незападной* БРИКС⁷.

В арабо-исламском мире происходит формирование собственной модели развития, претендующей на глобальное значение, в трех видах: арабская, иранская и турецкая. Во всех случаях стержнем модели остается ислам, так или иначе адаптирующий отдельные элементы эпохи Модернити и сам ставший неотъемлемой частью системы МО⁸. В связи с этим стоит вспомнить заключение в книге шейха Рифа ат-Тахтави, в 1826–1831 гг. прожившего во Франции: «Цель же наша – побудить народ нашей страны позаимствовать то, что придаст ему силу и мощь и позволит диктовать этим людям [франкам, т.е. европейцам. – А.Я.] свои законы, как это было во времена халифов» [Ат-Тахтави 2009, с. 193]. Претензия арабо-исламской цивилизации если не на главенство, то на равную значимость в мировом порядке по сравнению с европейской христианской цивилизацией, с точки зрения мусульман, еще не удовлетворена.

По точному выражению Г. Киссинджера, «мировой порядок отражает универсальную иерархию, а не равновесие конкурирующих суверенных государств» [Киссинджер 2015, с. 275]. В новом «сложном» мире сейчас выстраивается новая сложная иерархия, а цели субъектов мировой политики до конца не ясны, анархичность некоторых субъектов усиливает элемент непредсказуемости. После очевидного краха либеральной доктрины «распространения по всему миру идеалов демократии» началась смена целей, ценностей и задач

7 См. например, Naumkin V. (2013) Cultural Diversity, Democracy and Good Governance // Global Experts, March 8, 2013// <http://www.theglobalexerts.org/comment-analysis/cultural-diversity-democracy-good-governance>, дата обращения 17.07.2018; Наумкин В.В. (2013) Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее. М.: ИВ РАН. С. 456–462.

8 Примером осмысления исламского миропонимания в условиях современности стал сборник статей иранских философов «Ислам и модерн» (2017). М.: Садр. В частности, Бехруз Мохаммади-Монфаред пишет: «Особенность модерна состоит не в принятии чего-то нового из-за его новизны, а в переосмыслении всего, и это переосмысление также предполагает переосмысление самого себя» (с. 142).

в мировой политике, точнее их перегруппировка, определяемая перегруппировкой мировых лидеров. «На самом деле национальный суверенитет куда важнее прав человека», – заметил Дэн Сяопин (цит. по: [Киссинджер 2015, с. 294]).

Ранее либеральный подход в международных отношениях, базировавшийся на просвещенческой парадигме, на принципе гуманизма и идеях Н. Макиавелли, подразумевал аккуратное отделение моральных принципов от практической политической деятельности. Очевидным отказом от собственных цивилизационных ценностей стали действия Запада в отношении Югославии и Ирака на рубеже XX–XXI вв. Эти всплески варварства, грубое пренебрежение нормами права и морали сделали примерами не «столкновения цивилизаций», а кризиса одной, западноевропейской (атлантической) цивилизации, проявившимися в фактическом отказе от следования собственной традиционной системе ценностей.

Вместе с тем формально целью Запада было именно насаждение собственных ценностей. Г. Киссинджер, констатируя важность аспектов американских ценностей, связанных с освобождением от различного рода социальных ограничений, тем не менее замечает, что в Ираке «насаждать подобные ценности с помощью военной оккупации в той части света, где у них не было никаких исторических корней» – дело «гораздо более сложное, чем само свержение диктатора» [Киссинджер 2015, с. 423–424].

Проблемы включения в ЕС Турции и турецкой части Кипра также в немалой степени вызваны цивилизационной чужеродностью европейской и мусульманской цивилизаций, каждая из которых не готова поступиться собственной самобытностью. Точнее, то были попытки включения в западную систему части мирового пространства

не на принципах цивилизационного диалога, а путем поглощения одной цивилизации другой.

Между тем в мировую политику взамен идеологий либерализма и коммунизма входят ценности восточных цивилизаций, в которых сохраняется примат общинного и государственного принципов, дополненный принципом национализма. В середине XX в. А. Тойнби, предсказывая контрастное развитие неЗапада на «наш западный вызов», писал: «В конечном счете, Индия и Китай, вероятно, окажут значительно более глубокое воздействие на нашу западную жизнь, нежели то, на которое может претендовать Россия с ее коммунизмом» [Тойнби 2003, с. 405].

Например, в китайском обществе сохраняются свои тысячелетние идеалы и ценности, находящие отражение во внешней политике. В государственном издании в 2008 г. была опубликована статья, в которой утверждалось: «Помимо активного участия в глобальном управлении и достойного выполнения своей роли крупной развивающейся страны, Китай должен взять на себя инициативу донести китайское понятие “гармонии” до остального мира... Концепция “гармонии” служит теоретическим отражением мирного возвышения Китая, и ее следует распространять вместе с понятиями справедливости, взаимной выгоды и совместного развития» (цит. по: [Бжезинский 2012, с. 129]).

Амбиции конкретизируются. В 2012 г. профессор Фуданьского университета Чжан Вэйвэй утверждал, что современный Китай выступает в роли первоходца в создании модели социального развития, которая будет лучше западной модели. По его словам, Китай, «возможно, является сегодня крупнейшей мировой лабораторией политических, экономических, социальных и законодательных реформ» для создания «систем

следующего поколения» (цит. по: [Гидденс 2015, с. 163]).

Как бы то ни было, выстраивание новых макрорегиональных структур и становление новых центров силы на Востоке происходит с учетом принципа цивилизационной идентичности. Еще в 1990 г. Б.С. Ерасов отмечал: «несмотря на явные признаки проникновения хозяйственных, политических достижений Запада – прежде всего способов организации материального производства – существует определенная мера его культурного влияния, по исчерпанию которой происходит откат, ревайвал, возвращение к прежним принципам социокультурного бытия. Хотя эти процессы могут принять и драматические, взрывные формы, как исламский бум конца 70-х годов, они обнаруживают способность к растянутому во времени глубокому и массивному самоутверждению... В конце концов в активизации ислама и других восточных религий нельзя не видеть хотя и не подлинное, но решительное утверждение цивилизационного противостояния Западу, опирающегося как на устойчивые социокультурные факторы, так и на глубину исторического опыта... принятие и ревностное усвоение научно-технических и производственных элементов капиталистической формации происходит при сохранении прежних духовных структур, ценностей, отношения личности к миру и обществу» [Алаев, Ерасов 1990, с. 54]. За прошедшие четверть века эти процессы сохранили отмеченный характер.

Таким образом, идущая в наши дни грандиозная трансформация системы международных отношений ведет к преодолению как политической биполярной дихотомии, определявшей режим системы в XX в., так и абсолютного лидерства европейской цивилизации, сохранявшегося в течение 500 лет.

Однако признание равнозначности цивилизаций не обязательно означает такую же равнозначность субъектов мировой политики. По справедливому замечанию академика В.Г. Барановского, «полицентризм как антитеза биполярности далеко не во всем может оказаться благом... увеличение числа конкурирующих между собой центров силы способно привести к прямому подрыву международной безопасности и стабильности» [Барановский 2016, с. 208]. Состояние переходности мировой системы в некое новое состояние вызвало к жизни столкновение множества интересов, принципов, устремлений. «Мировая арена при всей привлекательности западных культурных стереотипов характеризуется все более расширяющейся глобальной войной идей эталонов жизни, социально-философских доктрин, конкуренцией имиджей и авторитетов за передел мировых рынков, за мировое лидерство разных моделей экономической и политической самоорганизации народов и регионов» [Гаджиев 2017, с. 78]. Показательно, что в «Большой двадцатке» сохраняется фактическое разделение на более и менее влиятельных субъектов, причем вторые не только преследуют свои ограниченные цели, но и в силу цивилизационных различий имеют разный уровень политической культуры.

«Цивилизационная идентичность играет принципиально важную роль в современной внутренней и внешней политике, – подчеркивал В.И. Пантин, – причем эта роль может быть как конструктивной (способствующей смягчению конфликтов и снижающей их напряженность), так и деструктивной (способствующей эскалации конфликтов)... Учет специфики и сложности проблем цивилизационной идентичности принципиально важен при принятии политических решений политической элитой, полити-

ческими партиями, государственными и общественными деятелями» [Семеновко 2017, с. 145, 146]. Пренебрежение или забвение религиозных и культурно-цивилизационных характеристик и национально-цивилизационных черт своего народа или народов других стран, как показали события на Балканах и Ближнем Востоке на рубеже XX–XXI вв., влекут за собой крупные политические просчеты и тяжелейшие последствия для народов и государств.

Таким образом, переход к «сложному миру» влечет за собой усложнение международно-политической системы, новые размежевания и *устойчивую неопределенность* в параметрах как глобализации, так и регионализации.

Цивилизации в их основных религиозных, культурных и ценностных характеристиках остаются реальностью современного и будущего мира. По словам Ф. Броделя, «цивилизации проходят сквозь политические, социальные, экономические и даже идеологические потрясения, которые они сами подчас деятельно навлекают на себя» [Бродель 1986–1992, т. 1]. В стремительно меняющихся формационных (экономических, политических, технологических и социальных) параметрах развития цивилизационные характеристики субъектов МО сохраняют свое значение.

Если в 2006 г. Г.И. Мирский констатировал, что «рухнула идеология в ее прежнем понимании... секулярное, “просвещенческое” сознание находится в кризисе... западная цивилизация пребывает в растерянности» [Мирский 2017, с. 113], то спустя десять лет характер мировых процессов стал еще очевиднее. По справедливому выводу К.С. Гаджиева, «глобализация, начавшаяся как западный проект, направленный на вестернизацию остального мира, постепенно начала менять свой вектор, предназначение, первоначаль-

ные цели и установки. Она... во всевозрастающей степени стала отвечать интересам бурно поднимающегося Востока, понимаемого в самом широком смысле этого слова... При всем том необходимо признать, что мы живем в условиях смены эпох, которая характеризуется эрозией и разложением тех или иных из господствующих и развертыванием процессов формирования новых ценностей, отношений, институтов... Возможно, наступают или наступили сумерки капиталистической рационалистической евроцентристской цивилизации, которая занимала господствующее положение в течение последних трех-четырех столетий. По достижении пределов своего развития ей предстоит вступить на путь переоценки основополагающих ценностей с учетом того, что мы переживаем своего рода осевое время, характеризующееся тектоническими сдвигами в бытийных основах жизни во всепланетарном масштабе [Гаджиев 2017, с.78, 82].

Политики вынуждены учитывать ныне не только политические, экономические и силовые ресурсы, но и культурно-религиозные, этно-конфессиональные. Тем самым заметно расширяется международная проблематика, включающая в себя не только минимизацию разногласий и баланс интересов между государствами, но и поиск максимально широкой повестки дня и выявление общего интереса на глобальном и региональном уровнях.

Переходное состояние мировой системы в целом, реструктуризация мирового хозяйства и мировой политической системы нарушили баланс сил между Севером и Югом, между европейской христианской цивилизацией и восточными цивилизациями. Это создало предпосылки и возможности для активизации в восточных обществах цивилизационного потенциала, общественных структур и систем идей,

которые ранее считались отжившими и архаичными. По справедливому замечанию Н. Фергюсона, «главную угрозу Западу несут не другие цивилизации, а наше собственное малодушие и питаемое им историческое невежество» [Фергюсон 2014, с. 427]. Вероятно, что будущая модель мирового развития будет не западной, а мультицивилизационной, ведь по существу глобализация вовсе не равнозначна вестернизации, господству «универсальной» западной социально-экономической и политико-культурной западной модели. Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, характеризуя в 2017 г. состояние мировой системы, отмечал: «Конкуренция все больше приобретает цивилизационное измерение, форму соперничества ценностей и моделей развития» [Лавров 2017, с. 467].

К. Мамубани и Л. Саммерс уповают на торжество принципов светскости и универсализма: «Есть все основания для уверенности в том, что состояние мира будет и дальше улучшаться, по мере того как прагматизм и рационализм станут всеобщими ценностями... мир в действительности не становится все более разобщенным, люди и страны все больше сплачиваются» [Мамубани, Саммерс 2016, с. 144]. Но вероятнее более сложный процесс «сплочения людей и стран», сохраняющих, тем не менее, верность своим цивилизационным (национально-цивилизационным) основам. Пошатнувшийся цивилизационный порядок должен будет утвердиться в новых условиях после обретения личностью и обществом новой идентификации по известным параметрам: религия, язык, культура, мировоззрение, нормы поведения, семейные отношения, идеалы и идейные ценности, одежда, еда, развлечения, включенность в Сеть и т.д. На эти параметры и внутренние и внешние силы бу-

дут влиять в своих интересах, используя все более тонкие и неявные инструменты давления и действия.

В мировой политике нельзя пренебрегать столь очевидным различием целей людей и стран разных цивилизаций. На «постсекулярном» Западе прозвучали слова о «христианском вызове» (Г. Кюнг), но с большим основанием можно констатировать «вызов неЗапада». В 2004 г. С. Хантингтон констатировал: «Религия восстановила свою значимость как в частной, так и в общественной жизни, как на уровне национальных государств, так и в межгосударственных отношениях. Почти повсеместное возрождение религии наблюдается едва ли не во всех регионах Земли – кроме Западной Европы» [Хантингтон 2018, с. 470]. Данное обстоятельство не ослабляет, как ранее, а усиливает внутренний потенциал Востока, целями которого являются: исторический реванш за унижение и отсталость; обеспечение условий для социально-экономического развития, повышения уровня и качества жизни населения, укрепления своей самостоятельности в мировой политике; формирование собственной модели развития, сочетающей достижения Запада с цивилизационными ценностями Востока.

В глобальном и долгосрочном плане названные цели являются вызовом, но не угрозой для стран европейской цивилизации. Однако в региональном (европейском и ближневосточном) и среднесрочном плане 2025–2040 гг. на пути к достижению этих целей очевидно возникнут соперничество и конфликты.

Полицентричность и вместе с тем иерархичность формирующейся мировой системы в немалой степени будут определяться цивилизационным фактором, исходя из реального соотношения сил различных цивилизаций.

Список литературы

Алаев Л.Б., Ерасов Б.С. (1990) Формация или цивилизация? // Восток. № 3. С. 46–56.

Арриги Дж. (2006) Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего.

Ат-Тахтави Р.Р. (2009) Извлечение чистого золота из краткого описания Парижа, или Драгоценный диван сведений о Париже. М.: Наука.

Барановский В.Г. (2016) Трансформация системы международных отношений на рубеже XX и XXI веков // Гаман-Голутвина О.В. (ред.) Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития. М.: Аспект-Пресс. С. 201–242.

Бжезинский З. (2012) Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис. М.: АСТ.

Бродель Ф. (1986–1992) Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. В 3 т. М.: Мысль.

Бхаргава Р. (2014) Индийская модель секуляризма: контекстуальность и принципиальная дистанция // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. № 2. С. 248–264.

Бьюкенен П. (2016) Самоубийство сверхдержавы. М.: АСТ.

Валлерстайн И. (2015–2016) Мир-система Модерна: В 3 т. М.: Университет Дмитрия Пожарского.

Гаджиев К.С. (2017) Новая «Великая трансформация»? // Вопросы философии. № 7. С. 72–83.

Гидденс Э. (2015) Неспokoйный и могущественный континент: что ждет Европу в будущем? М.: Дело.

Гурова Т., Скоробогатый П. (2017) Зачем Путин делает это // Эксперт. № 50 // <http://expert.ru/expert/2017/50/zachem-putin-delaet-eto/media/306906/>, дата обращения 17.07.2018.

Дембински М., Шпангер Г.-Й. (2017) Плюралистический мир. Идеи для но-

вой политики в отношении России // Россия в глобальной политике. № 4. С. 43–56.

Дынкин А.А. (2016) В поисках новой нормальности // Гаман-Голутвина О.В. (ред.) Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития. М.: Аспект-Пресс. С. 342–353.

Ерасов Б.С. (1996) Цивилизационная теория и евразийские исследования // Цивилизации и культуры. Вып. 3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. М.: ИВ РАН. С. 3–28.

Ерусалимский Г.Б. (ред.) (2010) Государства в таблицах: Краткий статистический справочник. СПб.: Комильфо.

Закария Ф. (2009) Постамериканский мир будущего. М.: Изд-во Европа.

Киссинджер Г. (2015) Мировой порядок. М.: АСТ.

Лавров С.В. (2017) Мы – вежливые люди! Размышления о внешней политике. М.: Книжный мир.

Ломанов А. (2017) Неоконсерватизм с китайской спецификой // Россия в глобальной политике. № 4. С. 17–31.

Мабубани К., Саммерс Л. (2016) Слияние цивилизаций. Аргумент в пользу глобального оптимизма // Россия в глобальной политике. № 5. С. 134–145.

Мирский Г.И. (2017) Возврат в Средневековье? // Россия в глобальной политике. № 6. С. 102–113.

Наумкин В.В. (2006) Ислам как коллективный игрок // Международные процессы. № 1(10) // <http://www.intertrends.ru/tenth/004.htm>, дата обращения 17.07.2018.

Неклесса А.И. (2016) Цивилизационные альтернативы Постсовременности // Гаман-Голутвина О.В. (ред.) Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития. М.: Аспект-Пресс. С. 152–188.

Робберс Г. (2009) Государства и религии в Европейском Союзе. М.: Институт Европы РАН.

Ролз Дж. (2010) Теория справедливости. М.: Издательство ЛКИ. С. 331–335.

Семененко И.С. (ред.) (2017) Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое изд. М.: Весь мир.

Сергий (Страгородский) (архим.) (2013) На Дальнем Востоке. Письма японского миссионера. М.: Изд-во Сретенского монастыря.

Синелина Ю. (2013) Религия в современном мире // Эксперт. № 1. С. 14–20.

Тойнби А. (2002) Цивилизация перед судом истории. М.: Айрис Пресс.

Тойнби А. (2003) Постижение истории. М.: Айрис Пресс.

Фролова Е.А. (2016) Дискурс арабской философии. М.: Садра.

Фукуяма Ф. (2003) Великий разрыв. М.: АСТ.

Хантингтон С. (2003) Столкновение цивилизаций. М.: АСТ.

Хантингтон С. (2018) Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ.

Хобсбаум Э. (2017) Разломанное время. Культура и общество в двадцатом веке. М.: АСТ.

Эйзенштадт Ш. (1999) Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс.

Яковлев А.И. (2015) Страны Востока в эпоху глобализации: синтез традиционного и современного. М.: Институт стран Востока.

Gunaratna R. (2002) Inside al Qaeda. Global Network of Terror, N.Y.: Columbia University Press.

Yesiltas M. (2014) Turkey's Quest for a 'New International Order': The Discourse of Civilization and the Politics of Restoration // Perceptions, vol. 19, no 4, pp. 43–76.

Political Processes in the Changing World

Civilizational Dimension of World Politics: Problems and Opportunities

Alexander I. YAKOVLEV

DSc in History, Professor, Faculty of World Politics, Lomonosov Moscow State University. Address: Training Building 2, Leninskie Gory, Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation. E-mail: aliv_yak@mail.ru

CITATION: Yakovlev A.I. (2018) Civilizational Dimension of World Politics: Problems and Opportunities. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 11, no 4, pp. 6–29 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-4-6-29

ABSTRACT. *The article considers the civilizational dimension of world politics. In the conditions of the transitional era, the crisis of the Western industrial model of development, the demographic transition and the change in the technological order, the deep foundations of societies that belong to this or that civilization remain important. Religious and cultural factors began to exert a more marked influence on international political and economic processes in both East and West. Examples of this can be seen not only in the countries of the Arab East, but also in Western Europe. The transformation of the world system today is determined by the parameters of globalization and regionalization: on the one hand, the desire of Western countries led by the US to maintain its dominant position in the world, and on the other, the growing importance of non-Western countries (BRICS, SCO, etc.). An important aspect of the ongoing confrontation is the civilizational differences, in particular, the religious and secular worldview. This circumstance does not make the “clash of civilizations” inevitable, but encourages them to cooperate and more adequately take into account the cultural and civilizational factor in international relations.*

KEY WORDS: *civilization, culture, religion, world politics, East, West*

References

Alaev L.B., Erasov B.S. (1990) Formatsiya ili tsivilizatsiya? [Formation or Civilization?]. *Vostok*, no 3, pp. 46–56.

Arrighi G. (2006) *Dolgij dvadtsatyj vek. Dengi, vlast' i istoki nashego vremeni* [The Long Twentieth Century. Money, Power, and the Origins of Our Time], Moscow: Territoriya budushhego.

At-Takhtavi R.R. (2009) *Iz vlechenie chistogo zolota iz kratkogo opisaniya Parizha, ili dragotsennyj divan svedenij o Parizhe* [Extracting Pure Gold from a Brief Description of Paris, or a Precious Sofa of Information about Paris], Moscow: Nauka.

Baranovskij V.G. (2016) Transformatsiya sistemy mezhdunarodnykh otnoshenij na rubezhe XX i XXI vekov [Transformation of the System of International Relations at the Turn of the 20th and 21st Centuries]. *Politicheskaya nauka pered vyzovami global'nogo i regional'nogo razvitiya* [Political Science before the Challenges of Global and Regional Development] (ed. Gaman-Golutvina O.V.), Moscow: Aspekt-Press, pp. 201–242.

Bhargava R. (2014) Indijskaya model' sekulyarizma: kontekstual'nost' i printsipial'naya distantsiya [Indian Model of Secularism: Contextuality and Principle

Distance]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, no 2, pp. 248–264.

Braudel F. (1986–1992) *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm. XV–XVIII vv. V 3 t.* [Material Civilization, Economy and Capitalism. The XV–XVIII Centuries. 3 Vols.], Moscow: Mysl'.

Brzezinski Zb. (2012) *Strategicheskij vzglyad. Amerika i global'nyj krizis* [Strategic Vision. America and the Crisis of Global Power], Moscow: AST.

Buchanan P. (2016) *Samoubijstvo sverkhderzhavy* [Suicide of a Superpower], Moscow: AST.

Dembinski M., Shpanger G.-J. (2017) *Plyuralisticheskij mir. Idei dlya novoj politiki v otnoshenii Rossii* [Pluralistic world. Ideas for a new policy towards Russia]. *Rossiya v global'noj politike*, no 4, pp. 43–56.

Dynkin AA (2016) *V poiskakh novoj normal'nosti* [In Search of a New Normality]. *Politicheskaya nauka pered vyzovami global'nogo i regional'nogo razvitiya* [Political Science before the Challenges of Global and Regional Development] (ed. Gaman-Golutvina O.V.), Moscow: Aspect Press, pp. 342–353.

Eisenstadt Sh. (1999) *Revoljutsiya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie tsivilizatsij* [Revolution and the Transformation of Societies. Comparative Study of Civilizations], Moscow: Aspect Press.

Erasov B.S. (1996) *Tsivilizatsionnaya teoriya i evrazijskie issledovaniya* [Civilization Theory and Eurasian Studies]. *Tsivilizatsii i kul'tury. Vypusk 3. Rossiya i Vostok: geopolitika i tsivilizatsionnye otnosheniya* [Civilizations and Culture. Issue 3. Russia and the East: Geopolitics and Civilization-Relations], Moscow: IAS RAS, pp. 3–28.

Erusalimskij G.B. (ed.) (2010) *Gosudarstva v tablitsakh. Kratkij statisticheskij spravochnik* [States in the Tables. A Brief Statistical Handbook], Saint Petersburg: Komil'fo.

Frolova E.A. (2016) *Diskurs arabskoj filozofii* [Discourse of Arabic Philosophy], Moscow: Sadra.

Fukuyama F. (2003) *Velikij razryv* [Great Gap], Moscow: AST.

Gadzhiev KS (2017) *Novaya «Velikaya transformatsiya»? [The New “Great Transformation”?]. Voprosy filosofii*, no 7, pp. 72–83.

Giddens A. (2015) *Nespokoynyj i moshhestvennyj kontinent: chto zhdet Evropu v budushhem?* [Turbulent and Mighty Continent: What Future for Europe?], Moscow: Delo.

Gunaratna R. (2002) *Inside al Qaeda. Global Network of Terror*, N.Y.: Columbia University Press.

Gurov T., Skorobogatyj P. (2017) *Zachem Putin delaet eto* [Why Does Putin Do It]. *Ekspert*, no 50. Available at: <http://expert.ru/expert/2017/50/zachem-putin-delaet-eto/media/306906/>, accessed 17.07.2018.

Hobsbaum E. (2017) *Razlomannoe vremya. Kul'tura i obshchestvo v dvadtsatom veke* [Fractured Time. Culture and Society in the Twentieth Century], Moscow: AST.

Huntington S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsij* [The Clash of Civilizations], Moscow: AST.

Huntington S. (2018) *Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional'noj identichnosti* [Who Are We? The Challenges to American National Identity], Moscow: AST.

Kissinger G. (2015) *Mirovoj porjadok* [World Order], Moscow: AST.

Lavrov S.V. (2017) *My – vezhlivye lyudi! Razmyshleniya o vneshnej politike* [We Are Polite People! Reflections on Foreign Policy], Moscow: Knizhnyj mir.

Lomanov A. (2017) *Neokonservativizm s kitajskoj spetsifikoj* [Neoconservatism with Chinese Characteristics]. *Rossiya v global'noj politike*, no 4, pp. 17–31.

Mahbubani K., Summers L. (2016) *Sliyanie tsivilizatsij. Argument v pol'zu global'nogo optimizma* [The Fusion of Civilizations. The Case for Global Opti-

mism]. *Rossiya v global'noj politike*, no 5, pp. 134–145.

Mirskij G.I. (2017) *Vozvrat v Srednevekov'e?* [Return to the Middle Ages?]. *Rossiya v global'noj politike*, no 6, pp. 102–113.

Naumkin V.V. (2006) Islam kak kollektivnyj igrok [Islam as a Collective Player]. *Mezhdunarodnye protsessy*, no 1(10). Available at: <http://www.intertrends.ru/tenth/004.htm>, accessed 17.07.2018.

Neklessa A.I. (2016) *Tsivilizatsionnye al'ternativy Postsovremennosti* [Civilizational Alternatives Postmodernity]. *Politicheskaya nauka pered vyzovami global'nogo i regional'nogo razvitiya* [Political Science before the Challenges of Global and Regional Development] (ed. Gaman-Golutvina O.V.), Moscow: Aspect Press, pp. 152–188.

Rawls D. (2010) *Teoriya spravedlivosti* [Theory of Justice], Moscow: Izdatel'stvo LKI, pp. 331–335.

Robbers G. (2009) *Gosudarstva i religii v Evropejskom Soyuze* [States and Religions in the European Union], Moscow: Institute of Europe, RAS.

Semenenko I.S. (ed.) (2017) *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopaedic Edition], Moscow: Ves' mir.

Sergius (Stragorodsky) (archm.) (2013) *Na Dal'nem Vostoke. Pis'ma yaponskogo missionera* [In the Far East. Letters from a Japanese Missionary], Moscow: Publishing of Sretenskij Monastery.

Sinelina Y. (2013) *Religiya v sovremennom mire* [Religion in the Modern World]. *Ekspert*, no 1, pp. 14–20.

Toynbee A. (2002) *Tsivilizatsiya pered sudom istorii* [Civilization before the Court of History], Moscow: Iris Press.

Toynbee A.J. (2003) *Postizhenie istorii* [A Study of History], Moscow: Iris Press.

Wallerstein I. (2015–2016) *Mir-sistema Moderna* [The Modern World-System. 3 Vols.], Moscow: Dmitry Pozharsky University.

Yakovlev A.I. (2015) *Strany Vostoka v epokhu globalizatsii: sintez traditsionnogo i sovremennogo* [Countries of the East in the Era of Globalization: a Synthesis of the Traditional and Modern], Moscow: Institute of Eastern Countries.

Yesiltas M. (2014) Turkey's Quest for a 'New International Order': The Discourse of Civilization and the Politics of Restoration. *Perceptions*, vol. 19, no 4, pp. 43–76.

Zakariya F. (2009) *Postamerikanskij mir budushhego* [The post-American World of the Future], Moscow: Evropa.